

Лань Цижэнь только передал ребёнка обратно в руки Ся Цзысюнь, как старейшины клана Лань один за другим вошли в Зал Совещаний. Шел старший из них, перешагнувший порог старости, его белоснежная борода слегка дрожала на груди. Выражение его лица было суровым, а взгляд, острый словно меч, скользнул по Ся Цзысюнь и ребёнку на её руках, после чего остановился на Лань Цижэне. Гулким, подобно удару колокола, голосом он потребовал ответа: Цижэнь, что всё это значит?

Лань Цижэнь глубоко вздохнул, его грудь слегка вздымалась. Сделав шаг вперёд, он надёжно заслонил собой Ся Цзысюнь и ребёнка, а его твёрдый и не терпящий возражений голос прозвучал решительно: Старейшины, это мой ребёнок, её зовут Лин'эр. Цзысюнь — мать девочки, мы искренне любим друг друга, и это чувство никогда не изменится.

Довольно! — старейшина широко раскрыл глаза, гневно прерывая его, а его широкие рукава бурно затрепетали от резкого движения. — Будучи потомком клана Лань, ты несёшь на себе его славу и ответственность, а осмелился совершить столь постыдный поступок, идущий вразрез с семейными правилами! Зачать ребёнка вне брака, да ещё притащить эту девицу с дитя в клан Лань — на что это похоже?! Куда ты дел семейный устав клана Лань? И во что превратил лицо нашей семьи?

Ся Цзысюнь прижала к себе ребёнка крепче, словно пытаясь оградить его от этого похожего на лезвие ножа осуждения. От усилия кончики её пальцев побелели, а в сердце кольнула острая боль. Она ожидала, что правила клана Лань суровы, но никак не думала, что столкнётся с таким шквалом обвинений. Малышка, кажется, тоже почувствовала напряжённую и давящую атмосферу: она беспокойно завопилась, её маленькие брови сошлись на переносице, и раздался тихий плач.

Лань Цижэнь нахмурился и уже собирался возразить, как другой старейшина опередил его: Эта девица неизвестно откуда взялась, и кто знает, течёт ли в жилах этого ребёнка кровь клана Лань? Не исключено, что она преследует скрытые цели, пытаясь присосаться к нашему клану ради личной выгоды! Эти слова легли на и без того кровоточащую рану Ся Цзысюнь, словно горсть соли.

Лицо Ся Цзысюнь мгновенно побледнело, её тело слегка качнуло. Эти сомнения вонзились в её сердце острыми, сверкающими на холоде клинками. Не в силах сдержаться, она подала голос — в нём слышалось дрожание, но в то же время он был полон упрямства: Мои чувства к Цижэню чисты, как солнце и луна, а ребёнок ни в чём не виновен, за что вы так клевете на нас? Сколько тягот я перенесла в одиночку все эти годы, лишь бы защитить кроху... Её глаза покраснели, в них заблестели слёзы, а в памяти вихрем пронеслись тяжёлые дни одинокого воспитания дочери.

Заметив это, Лань Цижэнь почувствовал невыносимую боль в сердце. Он крепко сжал руку Ся Цзысюнь, пытаясь передать ей свою силу, и повернулся к старейшинам: Старейшины, Цзысюнь — та, кого я искренне люблю, а ребёнок — моя плоть и кровь. Все эти годы она растила малышку одна, испила до дна чашу горечи, скиталась впотьмах и пряталась от опасностей со всех сторон — невозможно передать словами всё то, через что ей пришлось пройти. Теперь же, когда она с таким трудом нашла меня, я никому не позволю причинить им даже малейшего вреда. Взгляд Лань Цижэня излучал непреклонность и решимость, словно заявляя

старейшинам, что он ни за что не отступит.

Лица старейшин позеленели, в зале воцарился тупик. Воздух наполнился напряжением, грозящим в любой момент перерасти в бурю. В этот момент подал голос молчавший доселе Лань Цзэцзэ — его голос звучал ровно и нёс в себе старшего брата властность: Цижэнь, сначала проводи их отдохнуть, а это дело мы обсудим позже. С благодарным взглядом на старшего брата Лань Цижэнь поспешно увёл Ся Цзысюнь и ребёнка.

Они пришли в тихий внутренний дворик, где буйно росли незнакомые цветы и травы. Сейчас была пора цветения: бутоны соперничали в красоте, источая тонкий аромат. Лань Цижэнь осторожно забрал Лин'эр из рук Ся Цзысюнь, впервые так близко разглядывая собственную дочь. Глаза Лин'эр были такими же ясными и чистыми, как у Ся Цзысюнь, напоминая чистый родник. Крошечные пальчики крепко вцепились в рукав Лань Цижэня; она не плакала и не капризничала, лишь с любопытством смотрела на незнакомого папу, и в её глазах сиял чистый свет.

Лин'эр, в будущем папа будет хорошо защищать тебя и маму, — мягко произнёс Лань Цижэнь, и в его голосе звучали нежность и твёрдость человека, впервые ставшего отцом. Он легко покачал на руках малышку, пытаясь её рассмешить, и девочка, казалось, всё поняла: уголки её губ приподнялись, являя миру невинную улыбку.

Наблюдая за этой сценой, Ся Цзысюнь почувствовала тепло в груди — казалось, вся усталость и обиды последних дней нашли свой приют. Стоя в стороне, она молча смотрела на отца и дочь, и в этот миг все перенесённые невзгоды показались ей не напрасными.

Однако это умиротворение длилось недолго. Остальные старейшины клана Лань вовсе не собирались так просто спускать это дело на тормозах. В мрачной и тяжёлой обстановке они тайком совещались в Зале Совещаний. Колеблущееся пламя свечей освещало их суровые лица.

Случившееся с Цижэнем нельзя оставлять безнаказанным! Если он не сделает выбор, где же останется авторитет семейных правил клана Лань? — гневно воскликнул один из старейшин, тяжело ударив ладонью по столу.

Верно, нужно заставить его выбирать между кланом и этой девицей с ребёнком, иначе репутация клана Лань неминуемо пострадает, — поддакнул другой старейшина.

В конце концов они постановили поставить Лань Цижэня перед выбором: либо он отказывается от Ся Цзысюнь и ребёнка, возвращается на праведный путь клана Лань и подчиняется воле семьи; либо его изгоняют из клана Лань, он уходит вместе с ними и отныне не имеет с кланом ничего общего.

Узнав об этом, Лань Цижэнь погрузился в мучительные терзания. Сидя на каменной скамье во дворике с нахмуренными бровями, он не мог найти покоя, а во взгляде читались смятение и боль. Он любил Ся Цзысюнь и ребёнка — они были самыми важными людьми в его жизни, самым дорогим теплом в этом мире. Но и клан Лань был его корнями, местом, где он вырос, —

как он мог так легко от этого отказаться? Здесь оставались его родные, наставники, идеалы и ответственность, которым он хранил верность долгие годы.

Ся Цзысюнь же, глядя на то, как Лань Цижэнь день ото дня увядает лицом, испытывала острую вину. Ночами напролёт она ворочалась в постели, размышляя о том, не принесло ли её появление невыносимых бед Лань Цижэню.

Цижэнь, если из-за нас ты порвёшь с семьей, я... — Ся Цзысюнь не договорила, слёзы стояли в глазах, а голос прерывался от подступающих рыданий. Она не смела и представить, какими последствиями обернётся для них решение Лань Цижэня отречься от семьи, и была не в силах вынести столь тяжёлую цену.

Лань Цижэнь крепко сжал её ладонь, словно боялся выпустить из рук их общее будущее: Цзысюнь, не говори так, я не позволю вам уйти. Я найду выход, старейшины обязательно примут нас. Он пытался утешить Ся Цзысюнь, но в глубине души понимал: легко ли переубедить этих упрямых стариков?

И всё же Лань Цижэнь отлично понимал, как трудно будет переубедить упрямых старейшин. Тем временем внутреннее давление в клане Лань сгущалось тяжёлыми тучами, предвещая куда большую бурю, и их будущее было окутано неизвестностью и наполнилось вызовами.

<http://bllate.org/book/21853/2266782>